

12+

Политическое Непроявленное

Или как выбраться из порочного круга

Руслан Мавляшев

2026

Руслан Мавляшев
Политическое Непроявленное.
Или как выбраться
из порочного круга

<https://litres.ru/74543153>

ISBN 9785007117913

Аннотация

Почему новые лидеры, реформы и лозунги так часто воспроизводят старую политику? Эта книга предлагает искать причину глубже — в состоянии общества, которое предшествует партиям и институтам. «Политическое Непроявленное» исследует, как эмоция превращается в политическую имитацию и что может разорвать этот порочный круг.

Содержание

Вступление. Политика начинается раньше политики	9
Глава 1. Видимая форма невидимого состояния	17
Глава 2. Политическое эго	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Политическое Непроявленное Или как выбраться из порочного круга

Руслан Мавляшев

© Руслан Мавляшев, 2026

ISBN 978-5-0071-1791-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность

Раньше, открывая книги, я часто видел раздел благодарности и относился к нему скорее как к формальности. Мне казалось, что это часть книжного ритуала: несколько красивых слов, которые принято сказать перед началом основного текста.

Моё отношение изменилось только тогда, когда я сам сел писать.

Книга не появляется из пустоты. Она рождается не только из мысли, но и из прожитого опыта. А опыт никогда не создаётся человеком в полном одиночестве. На нас влияют

встречи, разговоры, потери, кризисы, поддержка, молчание, присутствие других людей. Иногда человек может даже не знать, какую роль он сыграл в нашем внутреннем становлении. Но эта роль остаётся.

Есть встречи, которые не просто добавляют опыт.

Они возвращают человеку доступ к собственной силе.

Не объясняют путь.

Не дают готовый смысл.

Не делают работу вместо него.

Но своим присутствием освобождают в нём то, что до этого было связано, сжато или остановлено.

Именно такую благодарность я хочу здесь оставить.

Имени здесь не будет. Оно и не нужно. Тот, кому адресованы эти строки, поймёт.

Мы познакомились в нестандартных обстоятельствах. Жизнь соединила нас не в привычной, удобной и заранее понятной форме, а в пространстве, где многое пришлось увидеть честно.

В таких обстоятельствах люди часто расходятся, защищаясь каждый своим способом.

Но иногда происходит иначе: встречается родственная душа.

Не в бытовом и не обязательно в романтическом смысле.

Родственная душа — это человек, рядом с которым что-то в тебе вспоминает собственную глубину.

Такой встречей для меня стала она.

Её присутствие принесло в мою жизнь живую созидательную женскую энергию. Не как украшение. Не как противоположность, с которой нужно бороться. Не как «недостающую половину», без которой человек якобы неполон.

Это важно.

Я не верю в идею двух половин, которые только вместе становятся целым. Такой взгляд слишком легко превращает встречу в зависимость. Настоящее взаимодействие возможно не тогда, когда две неполноты пытаются закрыть пустоту друг друга, а тогда, когда две целостности встречаются и создают нечто большее, чем каждая могла бы создать в одиночку.

Когда одна целостность встречает другую, между ними может открыться новое пространство.

Пространство ясности.

Пространство движения.

Пространство силы.

Пространство, в котором жизнь снова начинает звучать.

Именно так я пережил эту встречу.

Что-то во мне освободилось. То, что долго оставалось разрозненным, начало собираться. Мысль получила направление. Внутренний материал, который раньше существовал как отдельные ощущения, наблюдения и боли, вдруг стал складываться в форму.

Так эта книга стала возможной.

Эта благодарность выходит за пределы личной истории.

Она касается более глубокой темы — взаимодействия мужского и женского начал.

Мне всё яснее кажется, что будущая гармоничная жизнь не может строиться ни на патриархате, ни на матриархате, ни на поиске новой формы доминирования. Любая борьба за главенство снова возвращает нас к старой модели: свой — чужой, власть — подчинение, победитель — проигравший.

Мужское и женское не должны уничтожать, подчинять или заменять друг друга.

Они должны учиться слышать, уравнивать и усиливать друг друга.

Там, где одно начало пытается победить другое, возникает новая форма старого конфликта.

Там, где они входят в зрелое взаимодействие, появляется возможность целостности.

Эта тема выходит далеко за пределы данной книги. Я верю, что однажды она сама напишет об этом свою книгу — из той внутренней необходимости, которая рано или поздно находит форму.

Ты уже узнала себя в этих строках.

Поэтому верь тому, что в тебе есть. Верь своей силе, своей глубине и тому голосу, который способен сказать о женском и мужском началах не из борьбы, не из обиды, не из желания доказать, а из зрелости.

Пиши свою книгу.

Я буду ждать голоса, который, я знаю, способен принести

в мир больше света.

Моя благодарность — за всё это:

За встречу.

За присутствие, которое вернуло мне движение.

За энергию, после которой в жизни снова появился вектор.

За свет, в котором стало видно, от чего мне нужно было освободиться, чтобы идти дальше.

За внутреннее пробуждение, благодаря которому эта книга стала возможной.

Вступление. Политика начинается раньше политики

*«Государство всегда становится видимой
формой
невидимого состояния общества.»*

Человечество привыкло рассказывать историю своего развития как историю внешнего прогресса: мы прошли путь от аграрного общества к индустриальному, от индустриального — к постиндустриальному, от постиндустриального — к цифровому. Мы построили города, фабрики, университеты, финансовые системы, международные институты, спутники, интернет, искусственный интеллект и технологии, которые ещё несколько поколений назад казались невозможными.

Это действительно великое достижение. Технологический прогресс не ошибка и не враг человека. Напротив, он показывает, на что способен человеческий ум, когда соединяются воображение, дисциплина, знание, труд и способность к сотрудничеству. Но именно величие технологического прогресса создало одну из самых опасных психологических ловушек современности. Оказавшись внутри мира высоких технологий, человек начал считать развитым не только этот мир, но и самого себя. Он живёт среди сложных систем — и делает вывод, что сам стал сложнее. Он пользу-

ется плодами разума — и начинает верить, что его собственное сознание прошло тот же путь. Так возникает главная иллюзия современной цивилизации: мы принимаем развитие созданной нами среды за развитие человека, который в этой среде живёт.

Более того, даже технологический прогресс, которым человечество так гордится, не означает равномерного развития человечества как целого. Большинство людей не создаёт технологическую цивилизацию — оно входит в неё как пользователь. Человек держит в руках смартфон, но он не создавал ни микропроцессор, ни операционную систему, ни сеть связи, ни язык программирования, ни глобальную логистику производства, ни научную базу, на которой всё это держится. Он пользуется результатом чужого знания, чужой дисциплины, чужого труда и чужого внутреннего усилия. В этом нет ничего плохого. Так устроена цивилизация: одни создают, другие используют, третьи развивают дальше. Но здесь важно не обмануться. Пользоваться плодами развития — ещё не значит быть развитым.

Технологическая цивилизация развивается быстрее, чем внутренне развивается человек, именно потому, что её достижения могут быть вынесены наружу: в предмет, механизм, программу, инструкцию, инфраструктуру. Один человек может создать инструмент, которым будут пользоваться миллионы. Одна группа инженеров может изменить жизнь целых поколений. Одно открытие может стать частью повсе-

дневности людей, которые никогда не проходили путь к этому открытию.

Но внутреннее развитие не выносится наружу таким же образом. Нельзя создать устройство, которое сделает человека ответственным. Нельзя написать программу, которая автоматически освободит его от зависти, страха, ненависти или желания мести. Нельзя построить институт, который сам по себе заменит личную зрелость всех, кто внутри него действует. Технология масштабируется через производство. Зрелость — только через внутреннюю работу. Именно поэтому человек XXI века может пользоваться технологиями будущего, но действовать из состояний прошлого. Он может иметь доступ к искусственному интеллекту, но мыслить категориями племени. Он может говорить о свободе, но бояться ответственности. Он может требовать справедливости, но понимать её как право на месть. Он может поддерживать демократию, но внутренне ждать спасителя. Он может читать великие книги, но в момент страха возвращаться к самой простой реакции: найти виновного, присоединиться к своим, защититься от чужих.

И это не остаётся личной проблемой человека. Это становится политической проблемой общества.

Если в обществе не развито чувство личной ответственности, демократия начинает страдать. Гражданин формально имеет право выбора, но внутренне не хочет нести тяжесть выбора. Он ждёт фигуру, которая решит за него, накажет

виновных, наведёт порядок и снимет с него необходимость взрослого участия. Так демократия внешне сохраняет форму, но внутренне начинает тяготеть к авторитарному запросу.

Если в обществе сильнее чувство мести, чем чувство справедливости, страдает право. Суд перестаёт восприниматься как механизм установления истины и меры ответственности. От него начинают ждать эмоционального удовлетворения: наказать, унижить, отомстить, восстановить ощущение силы. Так право превращается не в инструмент справедливости, а в продолжение коллективной обиды.

Если в обществе мало доверия, страдают институты. Даже правильно написанные правила начинают восприниматься как чужая игра, которую нужно обойти раньше, чем она обойдёт тебя. Закон существует, но культура поведения его не поддерживает.

Если общество мыслит через модель «свой — чужой», страдает государство как общее пространство. Институты начинают обслуживать не общее благо, а группу, клан, партию, регион, идеологический лагерь или историческую обиду.

Если общество не умеет видеть сложность, страдает сама политика. Сложные проблемы требуют диагностики, терпения, проверки и коррекции, но незрелое сознание требует простого виновного и быстрого жеста. Так управление уступает место спектаклю.

Незрелое сознание не отменяет политические формы. Оно наполняет их собой. Именно поэтому партии, законы, институты, выборы, реформы и политические программы нельзя понять только на уровне их внешней конструкции. Они являются проявлением более глубокого слоя: коллективного сознания, ценностей, страхов, привычек мышления, внутренних мотивов и представлений общества о человеке, власти, свободе, справедливости и общем благе. Этот слой в данной книге называется политическим Непроявленным. Под политическим Непроявленным понимается не мистическое понятие, а уровень причин, из которого рождаются политические формы.

Проявленное — это государство, экономика, законы, партии, институты, бюрократия, выборы, реформы и политические программы.

Непроявленное — это состояние общества, из которого эти формы рождаются и которым затем наполняются.

Если Непроявленное остаётся прежним, новые формы начинают воспроизводить старые ошибки. Именно поэтому политическая история так часто движется по кругу. Общество меняет партии, но сохраняет прежнюю культуру власти. Меняет законы, но сохраняет прежнее отношение к правилам. Меняет лидеров, но сохраняет прежнюю потребность в спасителе. Меняет идеологию, но сохраняет прежнюю привычку делить мир на своих и чужих. Меняет язык реформ, но сохраняет прежнюю готовность имитировать результат

вместо того, чтобы честно его проверять. Так возникает порочный круг политики. Каждое новое поколение приходит с уверенностью, что теперь всё будет иначе. Оно приносит новые слова, новые программы, новые символы, новые лица, новые технологии управления. Но если внутренний источник остаётся прежним, новая форма постепенно наполняется старым содержанием.

Это не означает, что институты, законы и реформы не нужны. Напротив, они необходимы. Без них общество остаётся в хаосе, а благие намерения не получают формы. Но форма не спасает сама по себе. Даже хорошо написанный закон проходит через человека, который должен его применять. Даже самый продуманный институт проходит через культуру тех, кто в нём работает. Даже самая сильная реформа проходит через общество, которое должно понимать её смысл, выдерживать её сложность и участвовать в её продолжении.

Нужны законы — но нужно и сознание, способное уважать закон не только тогда, когда он выгоден.

Нужны институты — но нужно и доверие, без которого институт превращается в пустую оболочку.

Нужны реформы — но нужна и дисциплина, позволяющая доводить их до результата.

Нужна демократия — но нужен и гражданин, готовый не только требовать, но и отвечать.

Нужна справедливость — но нужна и способность отли-

чать её от мести.

Нужна свобода — но нужна и внутренняя зрелость, без которой свобода превращается в произвол или страх перед выбором.

Именно в этой точке духовное развитие перестаёт быть частным вопросом человека и становится политической проблемой. Не в религиозном смысле. Не в мистическом смысле. Не в смысле навязывания обществу единого морального учения.

Духовное развитие в контексте этой книги означает способность человека выйти за пределы автоматических внутренних реакций: страха, ненависти, зависти, мести, стадной принадлежности, самообмана и потребности переложить ответственность на внешнюю силу.

Это способность видеть реальность, а не только свою обиду.

Способность выдерживать сложность, а не требовать простого врага.

Способность отвечать, а не только обвинять.

Способность строить, а не только разрушать.

Способность мыслить не только интересом своей группы, но и целостностью общества.

Поэтому эта книга не предлагает отказаться от политики ради внутреннего самосовершенствования. И она не предлагает заменить институты красивой духовной риторикой. Её задача другая: увидеть источник, из которого рождаются по-

литические формы, и поставить вопрос, с которого редко начинается политика:

Из какого состояния сознания человек пытается строить общество?

Политика будущего не может ограничиться борьбой программ, лозунгов и внешних форм. Она начинается с честного взгляда на источник.

Глава 1. Видимая форма невидимого состояния

У государства есть здания, законы, должности, флаги, процедуры, бюджеты, министерства, суды, партии, выборы и официальные документы. Всё это создаёт впечатление, что государство существует прежде всего как внешняя конструкция — как система учреждений, норм и полномочий.

Но форма не действует сама. Она проходит через человека: через его способ видеть мир, через его отношение к правде, власти, свободе, ответственности и другому человеку. Поэтому одна и та же политическая форма может давать совершенно разные результаты. Парламент может быть местом представительства, а может стать машиной утверждения заранее принятых решений. Суд может быть пространством справедливости, а может стать инструментом давления. Закон может защищать общее пространство, а может превратиться в препятствие, которое нужно обойти или использовать против другого.

Политический сбой редко начинается там, где он становится видимым. К моменту, когда он проявляется в институтах, решениях, лидерах, законах или общественной реакции, его источник уже существует глубже — сначала в человеке, а затем в устойчивых состояниях общества. Если ис-

точник искажён, искажённой становится и форма, которую он наполняет.

Если общество боится свободы, оно будет искать порядок сильной руки.

Если общество не доверяет правилам, оно превратит закон в препятствие, которое нужно обойти.

Если общество живёт обидой, оно будет называть месть справедливостью.

Если общество мыслит через «свой — чужой», оно будет использовать государство как инструмент своей группы.

Если общество не умеет выдерживать сложность, оно будет требовать простого виновного и быстрого жеста.

Так внутреннее становится внешним. Не сразу. Не механически. Не в виде прямой линии от одной эмоции к одному политическому решению. Но постепенно — через язык, выборы, медиа, общественные ожидания, стиль лидерства, кадровые решения, реакцию на кризисы, отношение к ошибкам и привычки управления — невидимое состояние общества принимает политическую форму.

Государство — не только аппарат власти. Оно становится видимой формой того, что общество считает нормальным, допустимым, справедливым, сильным, опасным или желанным.

Поэтому проблема не сводится к плохим политикам. Политик старого типа получает силу там, где его язык находит готовый отклик. Он говорит не из пустоты. Он находит в

коллективном состоянии готовую точку входа: страх, обиду, усталость, растерянность, желание простого ответа, потребность в наказании, мечту о возвращении контроля.

Старая политика хорошо знает эти точки входа. Она редко начинает с понимания. Она начинает с эмоции. Сначала появляется тревога, злость, чувство несправедливости, ощущение потери контроля или усталость от сложности. Затем эта эмоция получает короткую формулу. Формула звучит как решение, хотя на самом деле она только упаковывает состояние.

Страх получает лозунг.

Обида получает врага.

Растерянность получает простое правило.

Злость получает обещание наказания.

Усталость получает жест «хватит».

Потеря контроля получает обещание «вернуть порядок».

В этот момент политика перестаёт быть способом понимать реальность и становится способом быстро снять внутреннее напряжение общества.

Так возникает политическая имитация: движение есть, но изменения нет; слова есть, но механизма нет.

Это не означает, что эмоции в политике нужно отрицать. Эмоция часто первой сообщает обществу, что где-то существует реальная проблема. Она может указывать на угрозу, несправедливость, унижение, усталость, хаос или потерю доверия. Проблема начинается не тогда, когда общество чув-

ствуется. Проблема начинается тогда, когда чувство становится заменой мышления.

Зрелая политика должна уметь слышать эмоцию, но не подчиняться ей. Её задача — не подавить состояние общества и не использовать его как топливо, а провести его через понимание: отделить сигнал от реакции, причину от виновного, справедливую меру от желания немедленного облегчения.

Незрелая политика делает обратное. Она не переводит эмоцию в понимание. Она превращает её в лозунг.

Именно поэтому состояние общества становится главным политическим вопросом. Не потому, что институты не важны. А потому, что институты работают только в той мере, в какой общество способно наполнять их зрелым содержанием.

Политическое Непроявленное — не отвлечённая философия. Это уровень причин, который позволяет увидеть, почему одни общества превращают формы в работающие институты, а другие — в декорации. Почему одни реформы становятся процессом изменения, а другие — очередной кампанией. Почему одни государства учатся на ошибках, а другие повторяют их под новыми лозунгами.

То, что становится видимым в политике, начинается задолго до своей внешней формы.

У человечества нет недостатка в мудрости.

Главная трагедия в другом: мудрость накоплена, но не

усвоена. Она существует в культуре, но это ещё не значит, что она существует в человеке.

Книга может передать текст. Но она не может вместо человека совершить внутреннюю работу.

Закон может предписать поведение. Но он не может сам по себе создать уважение к праву.

Институт может установить процедуру. Но он не может автоматически породить зрелость тех, кто должен этой процедуре следовать.

Именно поэтому цивилизация может обладать огромным запасом мудрости и снова воспроизводить одни и те же ошибки. Знание остаётся на уровне памяти, речи, образования, символа, но не становится состоянием восприятия.

Поэтому политическое Непроявленное нельзя понимать только как набор идей или ценностей, которые общество декларирует. Важны не только слова, которые общество произносит. Важен источник, из которого они произносятся.

Одни и те же понятия могут служить разным состояниям. Свобода может быть выражением ответственности, а может стать оправданием произвола. Справедливость может искать меру, а может стать языком мести. Порядок может защищать общее пространство, а может оправдывать подавление. Патриотизм может быть заботой о качестве страны, а может превратиться в поклонение символам и ненависть к чужому.

Слова не спасают сами по себе.

Попадая в незрелое состояние, даже великое слово начи-

нает служить незрелости.

Так становится ясно: главный политический вопрос не только в том, какие идеи общество провозглашает.

Главный вопрос — какое состояние наполняет эти идеи жизнью.

Глава 2. Политическое эго

Политическое эго не начинается в партиях, программах или государственных институтах. Оно начинается в человеке. В его потребности быть правым. В страхе признать ошибку. В желании видеть себя невиновным, сильным, обиженным или морально выше другого. В привычке искать виновного снаружи, прежде чем увидеть собственное участие. В стремлении выбрать ту версию реальности, в которой не нужно меняться.

Когда такие индивидуальные состояния соединяются, они становятся коллективной силой.

Политическое эго — это индивидуальное эго, объединённое в коллективное «мы».

Это важно понять: старая политика не создаёт политическое эго из ничего. Она находит его уже готовым — в страхах, обидах, усталости, потребности в простых ответах, нежелании видеть собственную ответственность. Политик старого типа лишь даёт этому состоянию язык, лозунг, врага, символ и направление.

Поэтому разговор о политическом эго — не обвинение гражданина. Это диагностика источника. Человек участвует в политике раньше, чем совершает политическое действие. Он участвует в ней своим способом быть в мире: отношением к себе, к другому, к правде, к боли, к ответственности, к

свободе, к силе и к власти.

Именно поэтому политика начинается раньше самой политики. Государство лишь позднее получает форму из этих невидимых состояний.

Главная функция эго — защита собственного образа. Не истины. Не справедливости. Не реальности. А именно образа: «я прав», «я не виноват», «меня вынудили», «я защищаюсь», «проблема не во мне». В политике этот образ становится коллективным.

Так возникает закрытая моральная конструкция, в которой «наша» сторона всегда имеет контекст, а чужая — вину. Наши ошибки объясняются обстоятельствами, чужие — сущностью. Наша жёсткость называется необходимостью, чужая — агрессией. Наша боль требует признания, чужая кажется отвлечением от главной правды.

Политическое эго не спрашивает: что произошло на самом деле? Оно спрашивает: какая версия произошедшего позволит «нам» остаться правыми? Из этого рождаются главные опоры старой политики.

Первая опора — враг.

Враг нужен политическому эго не только как реальная угроза. Иногда угроза действительно существует, и зрелая политика не должна закрывать на неё глаза. Но политическое эго использует врага иначе: оно делает его источником собственной правоты.

Пока есть враг, можно не отвечать на трудные вопро-

сы о себе. Можно объяснять неудачи, откладывать внутреннюю критику, требовать лояльности, оправдывать жёсткость и превращать сложность в борьбу.

Общество начинает понимать себя не через то, что оно строит, а через то, против кого оно стоит.

Вторая опора — спаситель.

Если есть враг, появляется потребность в том, кто его победит. Так возникает фигура сильного лидера, который должен быть уверенным за растерянных, жёстким за обиженных, громким за неслышанных, решительным за тех, кто устал от сложности.

Внешне это выглядит как поиск руководителя. Внутренне за этим часто стоит желание переложить взрослость на одну фигуру.

Зрелая политика строит систему. Политическое эго ищет спасителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.